

М. В. Силантьева¹

СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Внимательное знакомство с особенностями и проблемами современной социокультурной и социально-политической ситуации в России позволяет предположить, что от стадии теоретических дискуссий по поводу зреющих национальных проблем, связанных с политизацией этничности², эта ситуация некоторое время назад перешла в фазу, требующую «немедленного реагирования» на локальные всплески национализма, осваивающего все новые «точки роста». Так, сегодня можно констатировать наличие тенденции объединения локальных националистически настроенных групп разной ориентации в более широкие движения, имеющие отчасти религиозную, отчасти этнокультурную направленность и при этом тесно связанные с системой землячеств (у мигрантов) или (если говорить о коренных народах России) выходящих прямо или косвенно на зарубежных партнеров. Последние нередко выступают в качестве конфиденентов и спонсоров, имеющих соответствующие «этнокультурные площадки», где специфическая коммуникация происходит на фоне коммуникации историко-культурной, научной (прежде всего лингвистической) и фольклорно-этнографической. Подобные проекты, как правило, связаны с созданием на почве этнокультурной солидарности специфических сетевых сообществ националистического толка и, как следствие, культурным обменом регионального и международного уровня. В научной литературе описаны подобные сообщества, созданные представите-

лями финно-угорских народов России³; можно также говорить о сходных процессах в тюркской (этнически и лингвистически) среде. Речь идет также о некоторых диаспорах (в частности, кавказской, северокавказской и среднеазиатской), иногда выступающих в качестве переходного образования между «коренным», отечественным, и «импортируемым» «мигрантским» национализмом.

«Импортируемый» национализм при этом имеет опору в виде «превращенной» религиозной консолидации⁴, одним из направлений которой (помимо достаточно хорошо изученного «мусульманского фактора»⁵) медленно, но последовательно становится «импортный буддизм» тибетско-китайского происхождения⁶ — в частности в таких регионах, как Калмыкия и Забайкалье.

Особое место занимает, конечно, вопрос о национализме собственно русском, если воспринимать «русский» в качестве этнонима, а не политонима, что и про-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Аксиологические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Современная философия культуры в контексте развития теории международных отношений», «Русский язык в “имперском” формате: золотой век русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности», «Новые принципы “философии границы” в глобальном мире — десуверенизация или “постсуверенизация”» и др. Академик Сербской академии образования. Член Российского философского общества.

² Зорин Ю. В. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002). URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_3/Zorin_2003_3.pdf (дата обращения: 20.03.2015).

³ Шабаетов Ю. П. Конструирование нового национализма финно-угров. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/446/836/1219/2004_n3_p48-70.pdf (дата обращения: 20.03.2015); Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе: причины возникновения и возможные последствия: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17–18 декабря 2013 г., Саранск / редкол.: В. А. Юрченков [и др.]; Нац. исслед. Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2014; Глаголев В. С. Центристские тенденции в истории народов Урало-Поволжья / Социально-экономическое развитие народов Урало-Поволжья: материалы Республ. круглого стола, посвящ. памяти профессора, этнографа Р. З. Янгузина. Уфа, 2013. С. 13–17.

⁴ Свеча-2014. Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении: материалы Междунар. конф. «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» / отв. ред. Е. И. Аринин. Владимир: ВлГУ, 2014.

⁵ Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье: докл., подгот. рабочей группой Ин-та нац. стратегии / под ред. М. Ремизова // Независимая газета. 2013. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/9_map.html (дата обращения: 20.08.2013).

⁶ Арзуманов И. А., Юрковский А. В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии XX–XXI вв. // Известия Иркутского гос. ун-та: в 2 ч. Сер. «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9) Ч. 1. С. 106–115; Арзуманов И. А. Тибетский буддизм — историко-логический экскурс региональной специфики // Миссионерское обозрение. 2005. № 12 (122). С. 27–31.

изошло, согласно исследованиям В. Н. Расторгуева¹, в современной культуре из-за появления лингвистической лакуны как следствия сознательного манипулирования идеологов СССР соответствующей политической лексикой в конце 1920-х — 1930-х годах.

Здесь уместно предложить рабочее определение концепта «национализм» и выделить наиболее распространенные трактовки данного понятия. Это важно, поскольку именно концепт «национализм» выступает в качестве «руля высоты» в процессе принятия решений по проблемам, связанным с национальными отношениями. «Свое» видение темы как со стороны рядовых граждан, так и со стороны государственно-идеологических и управленческих структур, разумеется, может иметь место. Однако тенденция к апологетике, четко проявившаяся в этом вопросе в последнее время, думается, представляет определенную опасность и должна быть как минимум поставлена под вопрос.

Негативные коннотации, существующие до сих пор в языковом сознании русского интеллигента², опираются на разработку понятия «национализм» в работах русских философов Серебряного века. Примером может служить позиция Н. А. Бердяева³, утверждавшего, что специфика национализма состоит в компенсации чувства персональной и клановой ущербности на фоне неконструктивных психологических переживаний собственной «неуспешности» перед лицом конкретных социально значимых задач экономического, политического и другого порядка. При этом, как подчеркивает бывший «легальный марксист» Бердяев, никакое иное решение проблемы, кроме фундаментального социально-экономического, не может по существу изменить положение дел: национализм в Российской империи — следствие провала социально-экономического и, как следствие, политического сценария ее развития.

Интересно, что к сходным выводам приходят современные ученые, обращаясь к анализу возникновения и расцвета национально-освободительных движений, способствовавших распаду Османской империи. Пример — национальные движения сербов и болгар, спровоцированные, по мнению некоторых авторов, усилением налогового бремени, а не собственно «этнокультурным недовольством»⁴. Отсюда вывод: никакие запретительные меры не остановят надолго сепаратистские тенденции. Полноценно противодействовать

им может только реальное экономическое усиление государства либо (на ограниченном историческом отрезке) мобилизационные идеологические программы (все равно направленные на решение насущных, а не химерических или имитационных задач; с налаженной обратной связью и т. д.).

Как уже отмечалось, в современном публицистическом и научном — социально-философском и политологическом — дискурсе уже более десятилетия усиливается тенденция реабилитации концепта «национализм». Причем из научной и околонучной литературы она попала в журналистский лексикон, где говорится о необходимости связать национализм с идеей патриотизма, национальной консолидации и национальной мобилизации; дать философское обоснование, позволяющее показать, что без опоры на концепт национализма национальное самосознание окажется слабым, неконкурентоспособным по сравнению с «сильными» националистически ориентированными игроками политической и даже геополитической (здесь нередко упоминается «скрыто националистическая» позиция США⁵ или резкая оценка американскими политологами ситуации в России⁶) поля. Подобные работы можно рассматривать в том числе как выполнение соответствующего «заказа» со стороны отечественных националистов (преимущественно как раз «русских»), стремящихся таким образом освоить политическое пространство России, легитимируя свои «крайние» политические позиции (или вернуть свое политическое влияние, как это можно предполагать относительно, например, Союза русских общин и организаций, созданных вследствие распада целостности данной структуры в 1990-х гг.). Строго говоря, даже в случае, если высказанное предположение неверно, им не следует пренебрегать.

Рост национализма, к сожалению, — объективный показатель социально-экономического неблагополучия, и ориентироваться в возможных источниках его теоретической апологетики не менее важно, чем осознавать границы и возможности научного противодействия ему. В любом случае *иерархия идентичностей*, предполагающая сбалансированную координацию национально-государственного и этнокультурного уровней, при которой национализм оказывается в ряду негативных ценностей, — необходимый элемент поддержания социокультурного здоровья нации, адекватности ее самосознания тем задачам, которые ставит сама жизнь.

¹ Расторгуев В. Н. Политический выбор великороссов // Трибуна русской мысли. 2010. № 7. С. 11–26.

² Лихачев Д. С. Патриотизм и национализм. URL: <http://mkuznetsova.blogspot.ru/2013/05/blog-post.html> (дата обращения: 20.03.2015).

³ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989. Ср.: Шадже Ю. А. Николай Бердяев о нации и национальных отношениях (по сб. «Судьба России»). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-berdyayev-o-natsii> (дата обращения: 24.03.2015).

⁴ См., например: Фролова М. М. Н. Н. Мурзакевич и русско-болгарские культурные связи в 30–50-е годы XIX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности: в 2 кн. М., 2013. Кн 1.

⁵ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004.

⁶ Бжезинский З. Крайний национализм охватывает значительную часть населения России: интервью радио «Голос Америки». URL: <http://tarasow-ilya.livejournal.com/37268.html> (дата обращения: 20.03.2015); Хантингтон С. Указ. соч.